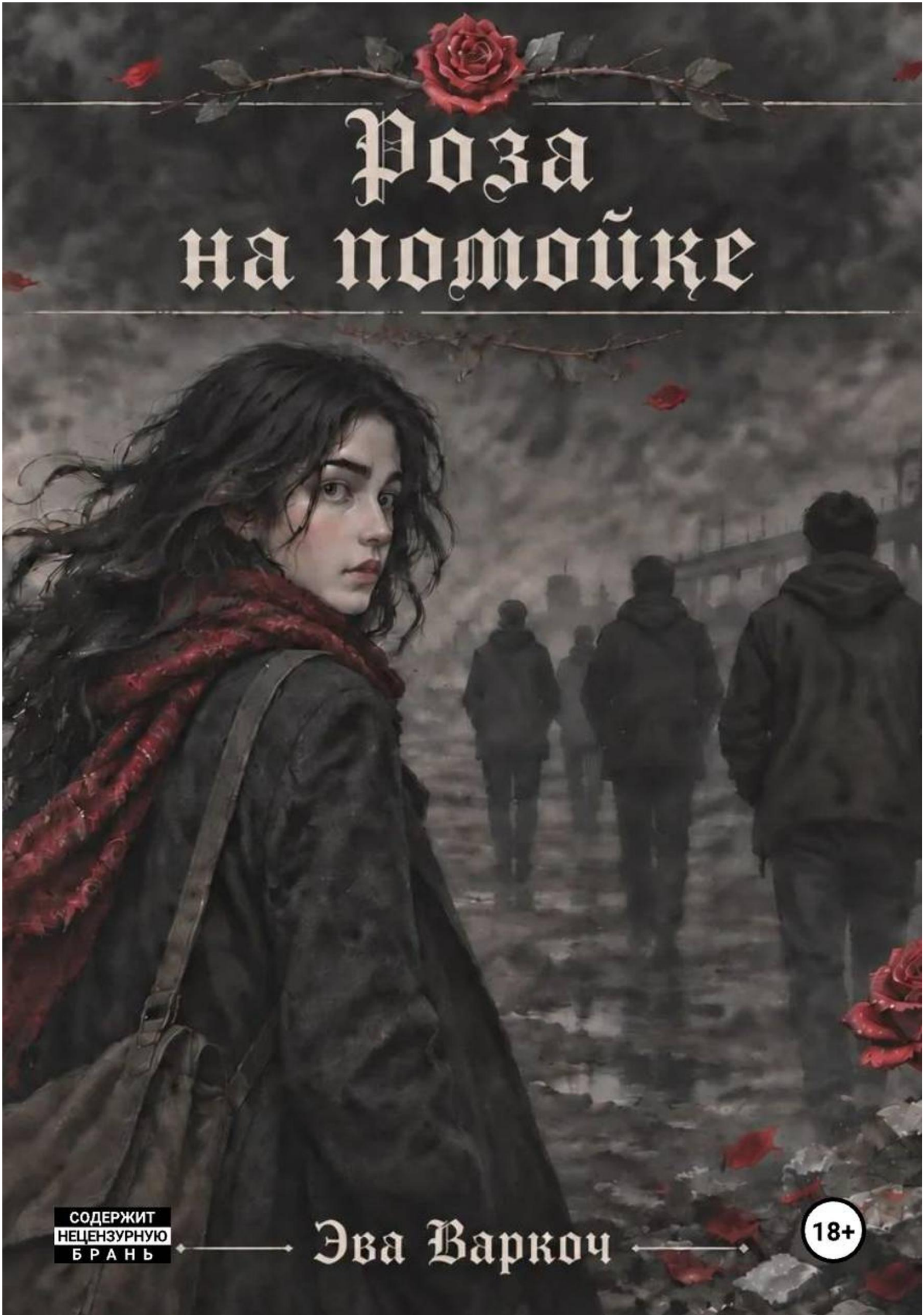
Роза на помойке

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

Эва Варкоч

18+

Эва Варкоч

Роза на помойке

«Автор»
2026

Варкоч Э.

Роза на помойке / Э. Варкоч — «Автор», 2026

«Я думала, что после смерти матери я упала на дно. Но оказалось, это дно было только входом в подвал, где меня ждали четверо мужчин».Алиса — парикмахер, ведьма и женщина, которая выжила. Она прошла через ад: финансовый вампиризм, тюремную романтику, абьюз и полное растворение в чужих жизнях. Она была «заправкой» для мужчин, которые не умели любить. Она была «мамкой» для мальчика, который не хотел взрослеть. Она была «жертвой» для того, кто искал «спасателя».Но однажды она вылезла. Не благодаря им. Вопреки. Через карты, которые дали ей зрение. Через психологию, которая дала ей ноги. И через людей, которые были на расстоянии, но сделали для неё больше, чем те, кто был рядом двадцать четыре на семь.Эта книга — о том, как выжить в чужом аду. И о том, как построить свой рай. О том, что судьба — это не то, что с тобой случается. Это то, что ты выбираешь. Каждый день. Заново.

© Варкоч Э., 2026
© Автор, 2026

Эва Варкоч
Роза на помойке

«Роза на Помойке». Автор Эва Варкоч. (творческий псевдоним)

Алиса — ведьма и женщина, которая выжила. После потери самого близкого человека она осталась одна в ледяной пустоте. И в этой пустоте она искала спасения. Но вместо спасателей она нашла тех, кто хотел спастись за её счёт.Это не просто история о токсичных отношениях. Это хроника падения на самое дно — туда, где пахнет дешёвым табаком, чужими кредитами и гнилью. Где карты Таро показывают правду, которую так страшно признать. Где мужчины говорят «я же мужик, я сказал», а женщины становятся «заправками» для чужих жизней.Но это также история о том, как из этого дна выбираются. Через психологию, которая дала ей ноги. Через Таро, которое дало ей зрение. И через людей, которые на расстоянии сделали для неё больше, чем те, кто был рядом двадцать четыре на семь.

Книга содержит нецензурную лексику и описание психологического насилия. 18+

«Настоящее произведение создано при участии автора с использованием нейросетевых инструментов для обработки текста».

ПРОЛОГ. ЕБАНЫЙ ОТСЧЁТ

Я сидела на кухне, где воздух был густым, как сироп, и пахло дешёвым кофе и мокрой шерстью. Кот спал на табуретке, свернувшись в тугой узел, и его дыхание было единственным звуком, нарушавшим тишину. Мне было двадцать семь. За окном двор жил своей вязкой, тягучей жизнью: бабы на лавочке перемывали косточки, мужик в третий раз пытался завести свою «шестёрку», и звук стартера был похож на предсмертный хрип.

Я думала, что после смерти матери упала на дно. Но дно, как выяснилось, было лишь вестибюлем того подвала, где меня уже ждали. Четверо мужчин. Каждый из них обещал стать опорой, и каждый стал моим личным адом. Ады были разные: холодный, денежный, тюремный и молодой, липкий, как болотная тина.

Это история о том, как я выживала. И о том, как я поняла, что спасать меня некому. Я сделала глоток остывшего кофе. Кот открыл один глаз, посмотрел на меня с выражением, которое я могла бы описать как «ну ты и дура», и снова провалился в сон.

—

Ну и ладно, — сказала я ему. — Начнём с начала.

Впрочем, начало, как и всё в моей жизни, пахло не розами, а мокрой землёй.

ГЛАВА 1. ГЛЕБ. ПУСТОТА

Похороны я помню смутно. Запах мокрой земли, барабанная дробь дождя по крышке гроба, чёрные зонты, похожие на грибы-поганки. А потом все ушли. И в квартире поселилась тишина. Это была не просто тишина — это был вакуум, который давил на барабанные перепонки. Я слышала, как капает вода из крана, как тикают часы, как скрипит паркет. И этот скрип был невыносим. Казалось, что кто-то ходит за мной по пятам.

Я разговаривала с маминым халатом на гвозде. Он был старый, выцветший, с оторванной пуговицей. Мне казалось, что если я его сниму — она умрёт окончательно.

И тогда я отказалась страдать. Я запретила себе чувствовать. Моя психика, как перегруженный компьютер, вырубила систему. Я упаковала себя в чёрный ящик, а наружу выпустила маленького перепуганного ребёнка. Этот ребёнок не умел жить. Он умел только выживать. И он искал спасательный круг.

Пьянка проходила в съёмной студии на окраине. Воздух был спёртым, смешанным с запахом дешёвого вина и пота. Глеб сидел в углу. Он был ниже меня, худой, с острой ключицей. Татуировка на кисти расплылась, как чернильное пятно. Глаза — тусклые, как у бродячего пса.

Я подсела к нему. Просто потому что мне было страшно оставаться одной в толпе.

—

Ты чего такой смурной? — спросила я.

—

А чё веселиться? — он отхлебнул пива. — Мать меня в детдом сдала. Батя — то там, то сям. Шабашки, пьянки. Он ни к чему не стремился.

—

А ты? — спросила я. — Ты к чему стремишься?

Он посмотрел на меня долгим, мутным взглядом. Потом усмехнулся.

—

А зачем? — сказал он, и в его голосе была такая безнадёга, что у меня заныло под ложечкой. — Всё равно сдохну. Как батя. Как мать. Как все.

Я смотрела на него и видела родственную душу. Я хотела его жалеть. Жалость к нему была безопасной — в отличие от жалости к себе.

Его батя, сидевший за убийство, посмотрел на меня мутными глазами:

—

Слышь, дочка. Спасать его собралась? Ты его не спасёшь. Ты только сама утонешь.

Я не бежала. Я думала, что моя любовь — цемент. А он сказал: «Блядям блядское» — и ушёл. Я осталась стоять в коридоре. Что-то внутри меня треснуло. Это была не просто боль. Это была трещина в фундаменте.

Я тогда ещё не знала, что в эту трещину скоро потечёт нечто такое, что пахнет не дешёвым пивом, а чужими кредитами.

ГЛАВА 2. ОЛЕГ. ВАМПИРИЗМ

Эта глава — о жажде. О том, как голод по любви превращает тебя в донора для тех, кто сам пуст.

Я больше не помню, как это — жить. Я помню только, как выживать. Каждый день я просыпалась с мыслью: «Ебать, я всё ещё здесь». Всё ещё в этой квартире. Всё ещё в этом теле, которое болело.

Мне говорили, что у меня депрессия. А я улыбалась. Шутила, блистала остроумием. Юмор всегда спасал меня от этого пиздеца. Я надевала маску весёлой, беззаботной Алисы, которая «сама виновата, что выбрала такого». Люди видели девчонку-огонь. А я смотрела в зеркало и видела там пустые глаза, как у манекена в витрине.

Олег появился на озере. Плотный, даже полный. У него было круглое лицо, короткая шея и повадки человека, который знает, какие слова нужно говорить, чтобы тебя пожалели. Он не был худым, как Глеб. И это меня почему-то успокоило. Мне показалось, что в теле — значит, надёжный. Значит, сильный.

Он подрабатывал таксистом на старой, потрёпанной машине, в которой всегда пахло бензином и дешёвым табаком. А в перерывах между сменами «развивал бизнес», который постоянно прогорал.

Всё началось с 500 рублей на бензин.

—

Слушай, выручи, — сказал он, глядя на меня усталыми глазами. — Я сегодня без смены. А бензин кончается.

Я дала. Мне было не жалко. Мне было приятно, что я могу кому-то помочь.

А на следующий день он рассказал мне историю о долгах. Мы сидели на его кухне — там пахло кислым супом и немытыми носками. Он нервно крутил в руках зажигалку, щелкая колесиком.

—

Алиса, ты пойми, это не просто деньги, — говорил он, глядя не на меня, а в стол. — Это бизнес. Я буду машины перекупать. Беру убитую, вкладываю в неё, делаю конфетку. Оттюнингую, отполирую, выставлю — и продам в два раза дороже. Понимаешь, какая тема?

—

Олег, но это же моё имя. Если ты не продашь машину, платить придётся мне.

—

Да продам я её! — он всплеснул руками. — Ты чё, мне не веришь? Я же для нас стараюсь. Вот поднимемся — и заживём. Ты мне только помоги сейчас.

—

А если прогорим?

Он посмотрел на меня, и в его глазах промелькнула тень раздражения. Как будто я задавала слишком много вопросов.

—

Ну вот чё ты начинаешь? — сказал он тихо, почти обиженно. — Я же не для себя беру. Я для нас. Думаешь, мне легко просить? Думаешь, я не мужик, если прошу?

И вот это «думаешь, я не мужик» было тем самым крючком. Потому что я — Спасатель. А Спасатель всегда спасает «мужика» от его же комплексов. Я подписала бумаги.

Кредит он взял. И машину купил. Какую-то старую убитую «семёрку». Пригнал её во двор, гордый, как петух.

—

Вот! Смотри! Это не просто машина, это наш с тобой билет в новую жизнь. Я её отполирую, подшаманю, и мы её продадим.

Я смотрела на эту ржавую жестянку, на его горящие глаза, и внутри меня что-то оборвалось. Я уже тогда поняла, что никакой продажи не будет. Но Спасатель внутри меня ещё надеялся на чудо.

Чуда не случилось. Машина простояла во дворе пару месяцев. А потом случилось то, чего я боялась. Он её проебал. Просто взял и загасил ею свои старые долги.

—

Олег, где машина? — спросила я.

Он стоял, курил и смотрел в сторону.

—

Ну… я её того. Обменял. Надо было вопросы порешать. Не переживай, я всё верну. Я же мужик, я сказал.

Мне все говорили: «Уважай себя». А как можно себя уважать, если Олег себя не уважал? Он жил на подачки. И я была себе нахуй не нужна. Вот и всё. Мы смотрели друг на друга и видели одно и то же — пустоту.

Его квартира была ещё хуже, чем у Глеба. На дне его чашки всегда оставался коричневый след от чая. Я мыла эту чашку и думала: «Это нормально. Это забота». Я стала его мамкой. Я кормила его. Я давала ему деньги. Но он потреблял. Он сосал из меня энергию.

Потом умер Ричик — мамин кот. Мы с Олегом были в ссоре, но я позвонила. Он приехал. Я купила лопату без черенка.

—

Ты серьёзно? — спросил он.

—

Копай, не выёбывайся.

Он копал руками, земля налипала на ладони. У кладбища он сказал:

—

Блять, там призраки.

—

Я тебе сейчас ёбну. И тебе никакие призраки не помогут.

Он похоронил кота. И это было что-то человеческое. Даже у Олега. Потом я стала ведьмой. Карты показали правду. Я сказала ему, что наведу порчу, если он не начнёт отдавать. Он поверил. И начал. С проёбами, с пинка, но отдал всё до копейки.

Я выбросила его чашку в мусорку.

И в этот момент мне показалось, что я свободна. Как же я ошибалась — впереди меня ждала битва, в которой оружием были не карты, а бабские языки.

ГЛАВА 3. БИТВА СВЕКРОВЕЙ

Эта глава — о стыде. О том, как чужие люди решают твою судьбу на лавочке.

Олег должен был мне 170 тысяч. Его мать об этом не знала. А мать Ромы — знала.

Сельмаг на окраине деревни был тем ещё местом силы. Там пахло мокрым картоном, дешёвым пивом и кислыми огурцами из разбитой банки. Лавочка у входа была скользкой от утренней измороси. На ней и встретились две женщины, чьи судьбы уже были переплетены крепче, чем я могла себе представить.

Мать Ромы — Тамара Петровна — дама с авторитетом. Она поджала накрашенные бледной помадой губы и выдала так, чтобы слышали все:

—

А я слышала, твой Олег не только сидит без работы. Он ещё и деньги у девочки взял. И не вернул. Сто семьдесят. Ты, Зинаида, в курсе, нет?

Мать Олега — Зинаида — побледнела так, что просроченный «Доширак» на полке позавидовал. В её глазах плеснулся животный ужас. Не за сына. За себя. За свой позор.

Вечером она пришла к Олегу. В его квартире пахло застоявшимся табаком и чем-то кислым. Она не кричала. Не била посуду. Она просто села на табуретку, ссутулилась и стала теребить край старого пухового платка. В этой тишине было больше упрёка, чем в любом скандале.

—

Олег. Ты мне одно скажи. Ты правда девочку на сто семьдесят наебал?

—

Мам, я всё верну, — пробормотал он, глядя в пол.

—

Чем вернёшь? — она повернулась к нему, и в её глазах не было злости. Только усталость. — Своими энергетиками? Ты хоть понимаешь, что ты не просто деньги взял. Ты у неё веру в людей забрал. А это дороже ста семидесяти.

И вот тут Олег испугался. Не того, что он кого-то обманул. А того, что мать пристыдили. Что деревня шепчется. Что Тамара Петровна ходит и улыбается.

На следующий день он пришёл ко мне. Принёс первую часть.

—

На, — сказал он. — Мать сказала, чтобы я отдавал.

—

А ты сам что думаешь? — спросила я.

—

А чё я? Мне сказали — я отдал. Ты же знаешь, я не люблю скандалы.

Вот такая деревенская психология. Справедливость — ноль. Совесть — ноль. Но «что люди скажут» — это самый мощный двигатель экономики в нашей деревне.

Он отдавал деньги. А я стояла и думала, что в этой истории победили не мы с ним, а две старухи на лавочке. Впрочем, в деревне всегда побеждают старухи.

ГЛАВА 4. БЕГОТНЯ

Эта глава — о петле. О том, как ты бегаешь по кругу, пока не поймёшь, что цепь на тебе, а не на них.

И самое смешное — Олег-то как раз начал платить стабильно. Каждый месяц. Ровно, как часы. Потому что боялся, что мать снова пристыдят.

А беготня началась у меня. Пока Олег отдавал долг, появился Рома. И я начала метаться. В моей съёмной квартире, где на стенах красовались пятна от разлитого кофе, а на столе вечно лежала колода карт, я металась между двумя телефонами.

Олег орал в трубку так, что хрипел динамик:

—

На кого ты меня променяла! Рома не считается!

А я отвечала:

—

Ну раз не считается, значит, ничего и не было.

Это была моя беготня. Моя, а не его. Потому что Олег отдавал долг ровно и стабильно, как банк. А я бегала между двумя мужчинами, как собака на цепи. И цепь была не на них. Цепь была на мне.

Я раскладывала карты каждый день. На Олега всегда выпадали траты, деньги. Карты говорили мне о настоящем. А я всё ещё верила, что это моя великая любовь. На Рому всегда выпадал Дьявол. Оковы. Зависимость. Сеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.